
A large, dark, grainy black and white photograph of Richard Zonnenfeldt, the author, serves as the background for the cover. He is shown from the chest up, looking slightly to the right.A small, rectangular inset photograph at the top center shows a group of men, including several in military uniforms, seated at a long table in a courtroom setting, likely during the Nuremberg Trials.

РИХАРД ЗОННЕНФЕЛЬДТ

ОЧЕВИДЕЦ
НЮРНБЕРГА
1945 — 1946

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНЕНИЯ

Рихард Зонненфельдт Очевидец Нюрнберга

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088941

Очевидец Нюрнберга. Воспоминания переводчика американского обвинения / Пер. с англ. Т.М. Шуликовой.: Центрполиграф; Москва;

2013

ISBN 978-5-227-04476-1

Аннотация

Рихард Зонненфельдт был главным переводчиком американских прокуроров Нюрнбергского трибунала над печально известными нацистскими лидерами Второй мировой войны. Двадцатидвухлетнему эмигранту из нацистской Германии в Америку само участие в этих допросах казалось чем-то сюрреалистичным. Зонненфельдт оказался лицом к лицу с почти двумя десятками нацистских угнетателей, которые семь лет до этого угрожали его жизни и жизни его семьи. Среди них был Герман Геринг, которому автор уделяет особое внимание, промышленник Альберт Шпеер, Иоахим фон Риббентроп – нацистский министр иностранных дел, который подготавливал важнейшие акты фашистской агрессии. В своей книге Зонненфельдт рассказывает о допросах обвиняемых во время подготовки к Нюрнбергскому процессу и о самом процессе. Автор высказывается о том, почему нацисты смогли прийти к

власти и как получилось, что большинство обывателей поддались их пропаганде.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рихард Вольфганг Зонненфельдт Очевидец Нюрнберга. Воспоминания переводчика американского обвинения

Пролог

– Зонненфельдт! Рядовой Зонненфельдт!

Война в Европе закончилась два месяца назад, и мое подразделение, 106-я бронетанковая разведывательная группа, прошедшая Францию в авангарде 3-й армии под командованием Паттона, вернулась в Америку для демобилизации. Я попал в эту часть в декабре 1944 года во время Арденнской операции и проехал с разведкой до самой Австрии во время покорения Германии. Однако я прослужил недостаточно долго, чтобы вернуться в Америку вместе со своей частью, и меня оставили автомехаником, шофером и при необходимости переводчиком в автопарке 2-го корпуса 7-й армии США, стоявшей в австрийском городе Зальцбург. Я оторвался от бронемашины, которую смазывал в тот момент, и

поднял глаза.

– Рядовой, бегом – марш! – проорал сержант. – Генералу нужен переводчик!

Я побежал было умыться, но в этот момент подскочил полковник в наглаженной гарнизонной форме, чего я не видел с тех пор, как год назад уехал из Штатов.

– Нет времени, рядовой, – сказал он. – Поторопись.

И так я с перепачканными смазкой лицом и руками, в замызганном рабочем комбинезоне пошел за ним к штабной машине. В ней сидел генерал Уильям Донован по прозвищу Дикий Билл – начальник УСС, Управления стратегических служб, предшественника ЦРУ. Кавалер ордена Почета, Донован заработал свое прозвище во время Первой мировой войны, когда был подполковником в составе знаменитого «Боевого» 69-го пехотного полка. Я всегда представлял себе Дикого Билла кем-то вроде Джона Уэйна с патронташами на груди и пистолетами наготове.

Вместо этого я увидел полноватого, седого мужчину с матерчатыми звездами генерала, нашитыми на его «эйзенхауэровской» куртке.

– Мы опрашиваем свидетелей для подготовки к предстоящему суду над военными преступниками, – сказал мне генерал Донован. – Получится из вас переводчик?

Он сказал кое-что по-немецки и дал мне перевести несколько фраз из документа. И остался доволен. Потом я переводил, когда он беседовал с членом немецкого подпо-

лья, чье имя мне велели забыть. Я удивился, насколько гладко все прошло. Когда мы закончили, он сказал:

– Вы говорите по-английски лучше любого другого переводчика, которого мы слышали. Вот Хинкель, он о вас позаботится.

– Ну что, – сказал подполковник Хинкель, когда мы с ним шли назад в автопарк. – Хотите поработать на УСС?

Я спросил:

– Где вы базируетесь?

– В Париже. У остальных наших переводчиков такой сильный акцент, что мы их еле разбираем. По-моему, вы справитесь лучше.

– Это мне подходит, – ответил я. – Как мне туда попасть?

– Пойдемте, – сказал он, – мы летим в Париж.

Подполковник Хинкель остался нетерпеливо ждать, а я побежал побросать вещи в мешок, и мне едва хватило времени переодеться в чистую форму и вымыть руки и лицо.

– Куда это ты собрался, черт тебя дери? – гаркнул мой лейтенант, когда мы сели в машину, чтобы ехать в зальцбургский аэропорт.

– Я с генералом! – крикнул я в ответ, а подполковник Хинкель прокричал:

– Лейтенант, это УСС. Мы вышлем вам приказ о его переводе, когда долетим до Парижа.

Я и не догадывался тогда, что мои бумаги будут гоняться за мной еще несколько месяцев, прежде чем я снова смогу

получать жалование. Еще меньше я понимал в тот момент, что моя жизнь только что совершила очередной резкий поворот, возможно, такой же судьбоносный, как и мое бегство из Германии в Англию в возрасте пятнадцати лет, когда пришлось спастись от нацистов, или депортация в Австралию на тюремном транспорте в семнадцать. Сейчас, всего лишь двадцатидвухлетним парнем, благодаря сочетанию врожденных способностей, упорного труда над американским произношением и цепи случайностей, меня, солдата, владеющего немецким и английским, заметили в нужном месте в нужное время. Меня вырвали из полной неизвестности рядового в автопарке, чтобы вытолкнуть на главную сцену послевоенной истории: суд над нацистами.

Мы с подполковником Хинкелем поднялись на транспортный самолет С-47. Мы пролетели над большей частью Южной Германии, где я воевал в бронетанковой разведке, потом над Рейном и приземлились на старом аэродроме Ле-Бурже в Париже. Это был мой первый в жизни полет, и я думал о своем детстве в Германии, приходе нацистов, жизни в Англии и личной одиссее, которая привела меня в Австралию и Индию и потом в США через Южную Африку и Южную Америку в самый разгар подводной войны.

Прошло всего семь лет с тех пор, как я бежал из Германии.

Глава 1

Нюрнберг 1945–1946 годов

Из парижского аэропорта Ле-Бурже нас повезли на улицу Пресбур, которая протекает вокруг Триумфальной арки. Мы остановились в роскошном особняке, доме № 7, который должен был стать моим рабочим местом на следующий месяц.

Там я стал переводить кипы трофейных немецких документов. Скоро я научился выделять и отбирать компрометирующие отрывки, чтобы найти свидетелей для предстоящего военного трибунала. Через несколько дней я начал вместе с офицерами присутствовать на допросах подозреваемых, которые могли стать подсудимыми. Было ясно, что состоится крупный процесс по делу нацистов, но подсудимые еще не были названы, устав суда еще не был определен, и место его проведения не было выбрано. Гитлер и его главные приспешники Гиммлер, Геббельс и Борман покончили с собой. Уцелел только Геринг, когда-то официально названный преемником Гитлера. Пока Контрольный совет «большой четверки» – США, СССР, Великобритании и Франции – решал, какой именно суд им нужен, мы искали потенциальных подсудимых, не зная, сколько их будет и какие обвинения им предъявят.

Меня часто спрашивают: «Разве вы не испытывали ненависти к нацистам?» Разумеется, мы ненавидели их как социальное явление, но от нас требовалось установить, что совершил каждый отдельный человек из тех, с кем мы говорили. Мы занимались расследованием.

В августе 1945 года Нюрнберг был официально назван местом суда, и наш отдел УСС стал Управлением по проведению допросов канцелярии главного обвинителя США (OUSCC), подчинявшегося непосредственно командующему сухопутными силами США в Европе. Потом, во время процесса, мы вошли в состав американского обвинения. Вначале я был единственным переводчиком.

Вылетая на рассвете и возвращаясь затемно, мы почти каждый день бывали в Германии и Австрии, Варшаве и Праге, разговаривая с возможными обвиняемыми и свидетелями, включая пленных высших нацистских офицеров и уцелевших жертв нацистских преступлений. Постепенно я начал осознавать, что увиденное в Дахау, когда я ненадолго приехал туда солдатом в последние дни войны, – всего лишь один пример громадной и тщательно организованной нацистской машины убийства.

В перерывах между поездками я наслаждался Парижем, городом, не столь сильно разрушенным войной, сколько запятнанным памятью французов о поражении и коллаборационизме, хотя он уже старался вернуть себе привычный облик. В то время в Париже было мало американских солдат,

и у меня сохранились нежные воспоминания о районе Пигаль, балете «Парижское веселье», лестнице церкви Святой Магдалины и Булонском лесе в воскресное утро. Город кишел французскими проститутками, но я научился отыскивать французов и француженок поприличнее, чья компания делала приятным возвращение в город света из поездок в земли тьмы. Хотя обычно во французских кафе еще многого не хватало, я чувствовал себя бонвиваном, сидя за столиком и любясь дефилирующими француженками в красивых нарядах, которые украдкой бросали взгляды на завсегдатаев уличных ресторанчиков.

Однажды, будучи в Австрии, мы посетили концлагерь в Маутхаузене. Мы искали свидетелей, чтобы доказать, что Эрнст Кальтенбруннер, высший офицер СС, отвечавший за концлагеря, который наверняка должен был предстать перед трибуналом в Нюрнберге, лично наблюдал за происходившими в Маутхаузене расправами во время неоднократных визитов туда. Хотя в Маутхаузене убили «всего» несколько сотен тысяч по сравнению с миллионами, убитыми в Освенциме, этот концлагерь не был обычной фабрикой смерти. Маутхаузен прославился чудовищными зверствами и адскими пытками, которые изобретал и устраивал лагерный комендант Франц Цирайс. Сам Цирайс не дожил до нашего приезда, он был смертельно ранен при попытке бегства. Но мы все-таки переговорили с его женой и сыном-подростком.

Я забыл, как звали сына, однако наш с ним разговор глу-

боко врезался в мою память. Это был светловолосый мальчишка со свежим лицом, который с виду вполне мог бы быть американцем, если бы не то, что он рассказал и пережил. Я спросил его:

– Какие у вас были отношения с отцом?

– Отец был нормальный, – сказал он. – Я против него имею только одно: когда мне исполнилось десять лет, он подарил мне на день рождения ружье, потом шестерых пленных построили в ряд, и я должен был стрелять в них, пока они не умерли. Это было долго и очень трудно, мне совсем не понравилось.

Позднее я узнал, что у ружья был очень маленький калибр и что комендант Цирайс придумал эту забаву именно потому, что нужно было с десятков выстрелов, чтобы убить человека из такого ружья.

Обычно в наших поездках я очень досадовал из-за того, что был единственным рядовым среди полковников. Ночевал я отдельно от них, потому что они отправлялись на ночлег со всем комфортом, а я ютился в жалкой солдатской хибаре. Чтобы устранить это неудобство, полковник Кертис Уильямс, начальник нашего оперативного отдела, устроил так, что штаб европейского командования вооруженных сил США отдал насчет меня особое распоряжение с «президентским приоритетом», подписанное «командованием генерала Эйзенхауэра». После этого я получил возможность делить жилье с начальством и ездить в одиночку, часто к досаде

и возмущению офицеров высокого ранга, кого я лишал места на самолетах и в военных джипах, когда показывал свое предписание. Скоро я, простой рядовой, уже был на короткой ноге с полковниками, с которыми тесно сотрудничал, и обращался к ним по имени с их же поощрения, но я знал, что, если кто-нибудь услышит, как я столь вопиющим образом нарушаю субординацию, меня могут отдать под трибунал. Однажды на отдаленном аэродроме я обратился к коротко стриженному полковнику Уильямсу по прозвищу Керли. Заметив, что стоявшая неподалеку узколицая женщина в военной форме приподняла бровь, он ухмыльнулся и сказал:

– Рядовой Зонненфельдт, я не вижу здесь Керли. Идите и немедленно найдите его. Что вы стоите? Чтоб сейчас же был здесь! Живо!

– Есть, сэр! – сказал я и отдал честь.

Поскольку Германия капитулировала безоговорочно, все функции правительства на территории побежденной страны осуществлял так называемый Контрольный совет из четырех держав-победительниц, и именно он принял решение, что суд над главными нацистами состоится в Нюрнберге. Нюрнберг был выбран вместо Мюнхена, потому что нюрнбергский Дворец правосудия можно было восстановить к началу процесса, а тем временем его совершенно не пострадавшая тюрьма, похожая на пещеру, могла вместить ожидающих трибунала нацистов и их подручных. Кроме того, именно в Нюрнберге Гитлер положил начало массовой исте-

рии нацизма и злобствующей ксенофобии, и именно там Геринг, тогда председатель рейхстага – немецкого парламента, провозгласил позорные Нюрнбергские расовые законы, которые лишили немецких евреев гражданских прав и возможности зарабатывать на жизнь. В Нюрнберге также обосновался Юлиус Штрейхер, этот злобный порнограф, извращенец и антисемит, со своей газетой «Дер Штюмер», «Штурмовик», разжигавшей ненависть к евреям.

Советская сторона хотела, чтобы трибунал заседал в Берлине, анклав под контролем советской армии, но у них в руках было только два крупных нацистских преступника, тогда как у нас были все остальные, потому что нацисты специально бежали сдаваться на Запад. По слухам, во время одного ожесточенного заседания, на котором также разрешились и другие разногласия, судья Роберт Х. Джексон, обвинитель от Соединенных Штатов, раздраженно бросил советским представителям: «Отлично, вы судите своих нацистов, а мы будем судить своих!» Так Нюрнберг стал местом трибунала.

В конце июля 1945 года мы с группой американских обвинителей прибыли из Парижа в Нюрнберг. Мы, как нам показалось, целую вечность не могли посадить свой шестиместный двухмоторный самолет С-45: световой индикатор показывал, что он не выпустил шасси. Мы кружили над стадионом, где Гитлер гипнотизировал легионы мужчин-штурмовиков и женщин в нацистской униформе. «Какая ирония судьбы, – подумал я, – разбиться в бывшем колизее нациз-

ма!»

Пилот сильно раскачивал самолет из стороны в сторону, набирал высоту, снижался, но индикатор «Шасси выпущено» никак не загорался.

Во время этого долгого кружения и кульбитов я представлял себе, что снова вижу старую кинохронику и слышу хриплый голос Гитлера с австрийским акцентом, который становился все громче и громче, пока ему не отвечали ритмичные крики тысяч голосов. Сам стадион был не поврежден, за исключением взорванной американскими солдатами трибуны, где Гитлер возвышался на фоне гигантской свастики, теперь сброшенной со своей перекладины. Хотя тирады Гитлера еще звучали у меня в ушах, сейчас уже трудно было себе представить, глядя на пустоту огромного стадиона внизу, как его наполняло море черно- и коричневорубашечников и женщин в черных юбках и белых рубашках, которые, выкинув руку вверх, хором выкрикивали «Хайль Гитлер».

Большая арена была безлюдной. Она казалась более пустой, чем римские развалины, пустой, как сама Германия, — потому что Гитлер не оставил после себя наследия. Этот полнейший эгоист оставил только предсмертное обвинение германскому народу, который подвел его, позволив врагу победить. Вместо того чтобы взять на себя ответственность за развязывание и провал чудовищной, обреченной, безумной завоевательной войны, Гитлер обвинил тех самых людей, которые много лет восторженно следовали за ним и потом уми-

рали за него вследствие его же безумства. Те из его приверженцев, кто уцелел, возможно, удивлялись, как они вообще могли ему поверить.

Пока самолет низко кружил над стадионом, я разглядывал панораму Нюрнберга, города, который был совершенно разрушен. Я различил массивный Дворец правосудия, потому что он был единственным крупным зданием, у которого хотя бы отчасти уцелела крыша. Остальной город, насколько хватало глаз, представлял собой море развалин. Если посмотреть на горизонт, можно было увидеть красно-коричневую пустыню причудливых кирпичных руин с большими черными пятнами пожаров. Если посмотреть прямо вниз, можно было увидеть дома, застывшие под сумасшедшими углами, с ваннами, висящими на трубах среди груд мусора, где остались стоять только нелепые полуразваленные дымоходы и небольшие участки стен.

Наземный диспетчер поглядел в бинокль и убедился, что наш самолет все-таки выпустил шасси, и мы получили разрешение на посадку. Пока я потел от страха, думая, что нам придется совершать аварийную посадку, оказалось, что пилота обманула какая-то неисправная лампочка! В аэропорту мы сели на джипы с пулеметами на подставках, установленных на бампере, и поехали с эскортом мотоциклистов в разрушенный город. Из-за огромных груд мусора улицы превратились в узкие, извилистые проулки. Наша колонна протискивалась сквозь бесконечный лабиринт развалин, мимо

подвалов и подземных бомбоубежищ, откуда и через два месяца после окончания войны еще несло гниющими трупами. Едкая вонь давно выгоревших пожаров и кордита висела в знойном летнем воздухе. Даже при свете дня чесоточные костлявые коты гонялись за крысами среди рассыпающихся руин.

Большинство немцев мужского пола призывного возраста, которым удалось уцелеть, теперь стали военнопленными. Время от времени мы встречали то старика, то одноногого или однорукого ветерана, который складывал штабелями кирпичи из развалин. Вдоль дороги бродили изможденные и оборванные немки всех возрастов, голодные, серые, с невымытыми волосами, пытаюсь выжить среди опустошения. Я выбросил из джипа сигаретный окурок, и три женщины бросились на него, как чайки на хлебные крошки.

Наконец мы добрались до громады Дворца правосудия. Джипы с пулеметами, бронемшины и танки стояли на подступах в стратегических точках. Повсюду находились американские солдаты в боевом обмундировании, хотя там было гораздо больше немецких военнопленных, которые передавали обломки кирпичей из рук в руки, расчищая здание для восстановления. По их оборванной форме я во многих узнал бывших солдат войск СС, элитных подразделений Генриха Гиммлера. Через два месяца после разгрома они теперь были целы, невредимы и упитанны, обеспечены сигаретами и пайками американской армии, имели возможность пить ко-

фе и мыться с мылом. А между тем их соотечественники – мирные жители копали репу и картошку, довольствовались эрзац-кофе, обходились суррогатами всего остального и дрались за брошенные из джипов сигаретные окурки.

Полковник, а позднее генерал военной полиции Роберт Гилл был начальником гарнизона. Комендантом тюрьмы был полковник кавалерии Бертон Эндрус, безукоризненно аккуратный выпускник Вест-Пойнта, красовавшийся в кавалерийских бриджах, блестящем подшлемнике, высоких начищенных сапогах, с инкрустированными пистолетами на поясе. Оба позднее станут добрыми друзьями. Я представил свои документы с «президентским приоритетом» на расквартирование и выдачу пропусков, без которых я не мог попасть в тюрьму и допросные комнаты, куда будут приводить нацистов. Видя, что меня отобрали для перевода на досудебных допросах большинства главных нацистов, эти офицеры, возможно, подозревали, что я – какая-то большая шишка инкогнито, замаскированная под рядового. Мой особый статус всегда уважали, и у меня с ними и их подчиненными сложились отношения скорее как между коллегами, чем как между рядовым и полковниками. Я следил за тем, чтобы каждый раз при встрече не забыть отдать им честь.

Мне отвели кабинет рядом с кабинетом моего начальника – полковника Джона Амена, главного допросчика американского обвинения, а недалеко был кабинет судьи Роберта Джексона, главного обвинителя от США. У меня была даже

приемная с секретаршей! Как удивительно, что ко мне, рядовому двадцати двух лет от роду, младше даже молоденьких армейских секретарш, относились как к полноправному штатному сотруднику!

По утрам, чтобы добраться до кабинета, я должен был пройти пропускной пункт, показать документы и потом долго идти по тускло освещенной лестнице. Однажды я заметил перед отдельным входом для гражданских лиц очередь на целый квартал. На мой вопрос, что тут такое, мне ответили, что все они пришли устраиваться уборщиками. Почему, подумал я, они так стремятся получить эту лакейскую работу? «Дело не в работе и не в оплате. Дело в концессии на сигаретные окурки», – сказал мне переводчик, стоявший рядом с сержантом караула. Да, из сотни с лишним союзных сотрудников, которые тогда заседали в здании, большинство курило; многие, как и я, за день оставляли у себя в пепельницах по дюжине с лишним окурков. Собрать окурки после рабочего дня, высыпать несгоревший табак в новую бумагу и скрутить папиросы с замечательными табачными смесями – это был грандиозный бизнес в разрушенном городе! К тому же у нас был настоящий кофе, и бывало, что недопитая чашка, которую я оставлял, уходя в допросную, оказывалась по возвращении пустой.

Нюрнбергский Гранд-отель перестраивали под общественный центр и место размещения приезжих журналистов и высоких должностных лиц. Во время ремонта в отеле от-

крылся ночной клуб и людный бар, куда меня тоже пропускали. Одним из ярких моментов моей юности стал случай, когда восхитительная Маргерит Хиггинс пригласила меня на танец. Это была известная военная корреспондентка, годы спустя она умерла от болезни крови, которой заразилась во Вьетнаме, когда делала репортажи о вьетнамской войне. Но в тот день благодаря ей я почувствовал себя принцем!

Я был на дружеской ноге и с другими военными корреспондентами, которые были заинтересованы в моем содействии, желая знать мнение немецких генералов об их американских визави. Неудивительно, что немецкие генералы объявляли генерала Джорджа Паттона лучшим американским командующим танковыми войсками, а Айка Эйзенхауэра ставили на первое место среди всех. Как ни странно, британский фельдмаршал сэр Бернард Монтгомери считался скучным солдафоном. Самый известный среди союзников немецкий генерал Эрвин Роммель, «лис пустыни», стоял не слишком высоко во мнении других высших немецких чинов, которым доводилось командовать армиями в десятки раз большими, чем Африканский корпус Роммеля.

Гранд-отель играл роль общественного центра, а виллы на уцелевших окраинах Нюрнберга были реквизированы для размещения главных обвинителей и сотрудников трибунала, среди которых был и я. Часто хозяевам-немцам позволяли остаться в доме – в подвале или гараже, – чтобы убирать и прислуживать проживающим. Большинство хозяев, быв-

ших до войны зажиточными торговцами или специалистами, теперь ревностно следили за своими пожитками. За работу им платили мылом, кофе, сигаретами, шоколадом – все это представляло гораздо большую ценность, чем деньги, в Нюрнберге июля 45-го. Мой «арендодатель» раньше держал книжный магазин, впоследствии разрушенный, и уйму времени тратил, стараясь растолковать мне, что он никогда не был активным нацистом. Поняв, что я еврей и вырос в Германии, он стал избегать этой темы и нашел другие способы снискать мое расположение, догадавшись, что моя доверчивость не безгранична. Да, как и большинство немцев, с которыми я разговаривал, он в конце концов признался, что вынужден был вступить в НСДАП из соображений сохранения бизнеса. Любопытно заметить, сколько нацистов исчезло в послевоенной Германии вместе с евреями!

Большую часть времени, когда не спал, я проводил во Дворце правосудия. Меня назначили главным переводчиком, фактически начальником отдела переводов Управления по проведению допросов канцелярии главного обвинителя США. Я получил эту должность потому, что первым оказался на месте, но удержал ее по той причине, что, когда я переводил на допросах, они никогда не прерывались из-за лингвистических споров. Еще в самом начале я заслужил важную рекомендацию американского обвинителя, тоже урожденно-го немца, но постарше. Я перевел на английский стенограмму оживленной беседы этого обвинителя с будущим подсу-

димым, которая шла полностью по-немецки. Обвинитель не нашел ни ошибок, ни пропусков в английской записи моего перевода и отрекомендовал меня как свободно владеющего двумя языками.

Моя должность начальника отдела переводов не была военным званием, но предполагала, что под моим началом находятся все остальные переводчики, стенографистки и машинистки управления по проведению допросов – числом больше пятидесяти. Я распределял задания. Естественно, всем хотелось посмотреть на главных нацистов, поэтому я, насколько возможно, чередовал переводчиков, направляя их к разным следователям и свидетелям. Сам я в основном работал с полковником Аменом, который занимался самыми высокопоставленными нацистами – Герингом, Гессом, Риббентропом и Кейтелем, но хотя бы раз я поработал с каждым подсудимым. Все настолько стремились повстречаться с этими главными представителями жесточайшей империи мира, что капитаны и даже один майор с готовностью принимали мои распоряжения.

Вскоре после моего прибытия в Нюрнберг полковник Амен должен был допрашивать Германа Геринга. Перед самоубийством Гитлер назвал Геринга своим официальным преемником. По рассказам, это был веселый и корыстолюбивый толстяк с чутьем барракуды, тушей слона, жадностью и хитростью шакала. Это был человек с головой на плечах, но без совести. Так что в качестве переводчика Амена мне

предстояло встретиться с Герингом, носившим внушительное звание рейхсмаршала, «шестизвездочного» ранга, изобретенного специально и исключительно для него. У Геринга было прозвище Der Dicke (Толстяк).

Когда Геринг сдался американским войскам, он вел себя, словно какая-то знаменитость, словно Наполеон в путешествии на Эльбу. Он притащил с собой обширный штат и десяток чемоданов. Перед тем как его поместили в нюрнбергскую тюрьму, его держали в двух местах, где он обольщал или устрашал переводчиков. У меня были расшифровки его допросов в военной разведке в Мондорфе, где он вел себя очень надменно, когда ему задавали вопросы, основанные на газетных репортажах и общих сведениях о его деятельности. Своими уклончивыми высокомерными ответами он сбивал с толку тех, кто его допрашивал, так как у них не было захваченных документов, которые мы теперь изучали. Здесь же, в Нюрнберге, Геринга как важного свидетеля и, вероятно, будущего подсудимого содержали в камере очень некомфортальной тюрьмы строгого режима.

К тому времени я уже знал из трофейных документов, что Геринг был асом Первой мировой войны и имел награды. Он сменил Манфреда фон Рихтгофена, знаменитого Красного Барона, на посту командира эскадрильи. Его отец был губернатором немецкой колонии в Юго-Западной Африке. Его мать проделала долгое путешествие в Германию, чтобы он родился там, и оставила его на попечение няньки. Уже

взрослым он был тесно связан с офицерами прежней империи, а также с промышленниками правых взглядов. Между мировыми войнами он стал первым командиром СА (штурмовых отрядов НСДАП) и организатором гестапо – государственной службы устрашения – и главой вновь созданных военно-воздушных сил – что было запрещено по Версальскому договору. Будучи главой гестапо, он производил аресты политиков, противников национал-социализма, а будучи председателем рейхстага, объявил Нюрнбергские расовые законы, которые лишили немецких евреев гражданских прав. Он сохранил железную волю во время бескровного захвата Австрии, когда Гитлер едва не сорвался, он бомбардировал Роттердам. Он также был тем, кто приказал отправить моего отца в концентрационный лагерь, а потом велел отпустить его, потому что отец имел Железный крест за Первую мировую войну! А сейчас Геринг был самым высокопоставленным из уцелевших нацистов. Его действия, как засвидетельствовал нацист номер два, показывали, что он был глубоко вовлечен в преступный замысел Гитлера, стремившегося развязать войну.

Я гадал, как он отреагирует на меня, когда мы будем приводить его к присяге в ходе досудебного расследования. Хотя я уже переводил допросы других бывших высокопоставленных нацистов, из которых кое-кто бегло говорил по-английски, я побаивался предстоящей встречи с Герингом. Он был легендой во времена моего детства в Германии, его боя-

лись, когда я был испуганным беженцем в Англии, и британские ВВС отчаянно сражались с самолетами его люфтваффе. В Нюрнберге, предвосхищая встречу с Герингом, мне казалось, что еврей-беженец, которым я был когда-то, боязливо тянет меня за рукав.

Наша допросная комната № 1, как и полдюжины других комнат на втором этаже Дворца правосудия, находилась рядом с закрытой лестницей, которая вела в тюрьму. Сама комната была голая, без ковра на полированном мозаичном полу. Полковник Амен во время допроса сидел за простым деревянным столом спиной к окну. Допрашиваемый садился напротив, так что свет из окна падал на его лицо. Я сидел сбоку стола справа от полковника Амена и слева от стула допрашиваемого, а стенографистка сидела чуть позади меня. В углу у противоположного конца стола стоял вооруженный охранник.

Дверь была приотворена, и мы слышали шаркающие шаги. И вот, в сопровождении охранника в белом шлеме, вошел Геринг в поблекшем сером мундире, с выцветшими прямоугольниками на воротнике и лацканах, где прежде были его маршальские знаки. В войлочной обуви, которую дал ему тюремщик, чтобы его ноги не мерзли на холодных каменных полах, с одутловатым и серым лицом, так как его отлучили от лекарств – он принимал производные морфина, около сорока таблеток в день. Он тяжело дышал, видимо, запыхался, пока с трудом поднимался по лестнице из камеры. Но ко-

гда он вошел, я заметил, что его взгляд насторожен, брови чуть приподняты, и двигался он неторопливо, каким-то образом умудряясь сохранять ореол властности. Я посмотрел на его руки, уже лишенные громадных перстней, которые он когда-то носил. Его пальцы, не имея возможности ухватиться за изукрашенный маршальский жезл, чуть подрагивали. Он, несомненно, понимал, что этот допрос будет отличаться от предыдущих, которые были похожи на светские беседы. Он знал, что мы здесь для того, чтобы он изобличил себя, а он здесь для того, чтобы защищаться.

Никто не сказал ни слова приветствия. Полковник Амен жестом предложил ему сесть, и потом охранник прошел за его спиной и встал справа. Я перевел слова полковника Амена:

– Назовите ваше имя.

– Рейхсмаршал Герман Геринг, – ответил он.

– Запишите «Герман Геринг», – сказал полковник Амен стенографистке.

Потом полковник Амен обратился ко мне:

– Назовите ваше имя.

Я назвал. И затем:

– Поднимите правую руку. Вы клянетесь, что будете точно, полно и верно переводить мои вопросы с английского языка на немецкий и ответы свидетеля с немецкого языка на английский?

– Клянусь, – ответил я.

Это был первый раз, когда я официально принес присягу в качестве переводчика. Отныне я буду повторять свою присягу перед каждым досудебным допросом. Я решил быть особенно педантичным. Потом стенографистка принесла присягу в том, что будет точно записывать по-английски все, что говорится. Итак, началось.

Я перевел:

– Клянетесь ли вы, Герман Геринг, говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды?

– Для начала я хочу знать, судья ли передо мной? – воспротивился Геринг.

Переводя, я старался по очереди подражать голосу и выражению лица то Амена, цепкого нью-йоркского обвинителя по делу «Корпорации убийств»¹, то Геринга, посаженного в клетку хитрого негодяя, который старался сбить толку своих тюремщиков.

– Я задаю вопросы, а вы на них отвечаете, – сказал Амен Герингу.

Я перевел возражение Амена на немецкий, но Геринг попытался исправить мой перевод. Амен шепнул мне:

– Не давайте ему вас перебивать.

Вдруг мне вспомнилась фраза Черчилля о том, что немцы либо берут тебя за горло, либо валяются у тебя в ногах. Я

¹ «Корпорация убийств» (англ. Murder, Inc.) – нью-йоркская преступная группировка, существовавшая в 1920—1940-х гг., созданная и контролируемая мафией, которая за годы своего существования совершила сотни заказных убийств. (Примеч. пер.)

попросил у Амена разрешения научить этого свидетеля, как следует вести себя со мной.

– Валяйте, – сказал Амен.

Еще я вспомнил взятого в плен немецкого генерала, как я заставил его идти перед грузовиком, на котором ехали его солдаты, когда он пожаловался, что не хочет ехать в лагерь военнопленных в одном кузове с подчиненными. Одновременно мне вспомнилась старая шутка про Геринга. И я назвал его «господин Gering», намеренно исказив его имя так, как мне доводилось слышать еще в детстве². Gering по-немецки означает «ничтожество». Я сказал:

– Господин Ничтожество. Когда я перевожу вопросы полковника на немецкий, а ваши ответы на английский, вы молчите, пока я не закончу. И не перебиваете меня. После того как стенографистка запишет перевод, вы можете сказать мне, что у вас возникли трудности, и тогда я решу, обращать ли внимание на ваши слова. Либо, если вы хотите, чтобы вас допрашивали без переводчика, так и скажите, и я буду только слушать и поправлять.

Его глаза блеснули, он долгим взглядом посмотрел на меня и сказал:

– Меня зовут Геринг, а не ничтожество.

Он знал, что переводчик выгоден ему самому. Он знал английский достаточно хорошо, чтобы понимать суть зада-

² По-немецки фамилия Геринг пишется G^oering и произносится «Гёринг». (Примеч. пер.)

вавшихся по-английски вопросов, но недостаточно хорошо, чтобы отстаивать свои интересы, а именно это ему и было нужно. Зачем бы иначе он вообще стал говорить с американцами, если просто мог молчать? Кроме того, когда он сначала слышал вопрос по-английски, потом по-немецки, это давало ему преимущество. Эта задержка почти лишала полковника Амена возможности застать его врасплох, а так как все говорилось и повторялось на двух языках, то за один допрос мы успевали задать вдвое меньше вопросов.

Я сказал:

– Я здесь главный переводчик, и если вы больше не будете перебивать меня, то и я больше не буду коверкать ваше имя, господин Геринг.

Полковник Амен следил за выражениями наших лиц и терпеливо ждал во время этого обмена репликами. Я повернулся к нему и сказал:

– С этого момента заключенный Геринг будет отвечать на ваши вопросы.

После того допроса Геринг требовал, чтобы его переводил я. Геринг был главным подсудимым, Амен – главным следователем, а я – главным переводчиком. Безупречный немецкий порядок! Когда позднее просочилось, что я любимый переводчик Геринга, я так и не смог решить, гордиться мне этим или возмущаться. Вот так мы начали его допрашивать.

В августе 1945 года Контрольный совет выработал устав Нюрнбергского трибунала. Судебный процесс должен был в

общих чертах следовать принципам обычного права, с состязательностью обвинителей и адвокатов под председательством восьми судей: по двое от США, СССР, Великобритании и Франции. Допросы под присягой составят доказательства, которые будут исследоваться в суде. Одним из ключевых принципов, провозглашенных Советом, было включение обвинения в многолетнем заговоре с целью развязывания агрессивной войны, нарушения договоров и истребление пленных. Аргументы типа «*tu quoque*»³ (ссылки на преступления, совершенные обвиняющими державами) не будут допускаться в качестве защиты нацистских преступлений. Также оправданием преступных действий не может служить приказ вышестоящего лица. Я понимал, что эти принципы позволят легко обвинить тех, кто был с Гитлером, когда тот замышлял войну и истребление, а также тех военнослужащих, которые исполняли его преступные приказы. Наш допрос, таким образом, имел четкую цель: задокументировать действия будущих подсудимых.

Судья Джексон, генерал Донован и полковник Амен выбрали меня своим переводчиком, потому что Геринг сотрудничал со мной, и я провел с ним более сотни часов.

Несколько раз генерал Донован, имевший особый статус президентского советника, и один раз судья Джексон, главный обвинитель от США, допрашивали Геринга по резуль-

³ «Ты тоже» (*лат.*) – демагогический прием, обвинение в аналогичном проступке в ответ на критику. (*Примеч. пер.*)

татам обстоятельных расшифровок стенограмм, которые поставлял полковник Амен. У каждого из допрашивавших была своя цель. Амен, опытный судебный юрист, строил доказательства таким образом, чтобы прижать Геринга в зале суда, и спрашивал его о преступлениях на основании документов, где стояла его подпись. Амен задавал Герингу только те вопросы, на которые знал ответ из захваченных документов. Геринг всякий раз отрицал, что знал об их существовании, пока мы не показывали ему приказы за его собственноручной подписью. Таким образом Амен подорвет доверие судей к Герингу при помощи расшифровок проведенных под присягой допросов, где он отрицал собственные действия, которые можно доказать. Он будет разоблачен как обыкновенный лжец! Пятьдесят пять лет спустя, в 2001 году, на телеканале «Хистори» прошел документальный фильм «Мы заставим их говорить», где я был главным рассказчиком, и там я показал, что в Нюрнберге никогда не прибегали к пыткам, чтобы заставить нацистов дать разоблачительные показания против самих себя.

Генерал Донован хотел, чтобы Геринг был свидетелем обвинения и полностью признал преступность гитлеровского режима в открытом судебном заседании. Донован был убежден, что признание Геринга окажет более глубокое впечатление на немцев, чем документы.

Но Донован так и не добился от Геринга, чтобы тот признал преступность нацизма.

Один случай явственно показал, как относился ко мне Геринг. Генерал Донован вынудил Геринга признать, что он отдал приказ расправиться с американскими летчиками, спасшимися на парашютах из подбитых самолетов. Я перевел одну из реплик Геринга как «Я не признаю, что я это говорил». Генерал Донован повернулся ко мне и сказал:

– Дик, вы неправильно перевели. Геринг сказал «Я с этим не согласен», а не «Я не признаю, что я это говорил».

Я, рядовой, стал возражать Доновану, генералу, а Геринг скрестил руки на груди с широкой ухмылкой на лице и произнес:

– Я сказала «Я не признаю, что я это говорила».

Вот это образцовая демонстрация силы в поддержку протеже! А также свидетельство в пользу генерала Донована, который предпочел точность субординации!

Судья Джексон хотел добиться осуждения Геринга как военного преступника, чтобы создать прецедент международного права и карать за преступления, которые до той поры находились под защитой государственного суверенитета, но он сумел провести на допросе с Герингом меньше часа. Геринг назвал трибунал спектаклем, который поставили победители, чтобы наказать побежденных, а в себе видел человека, разоблачающего этот фарс, – мученика, которого ожидает казнь за то, что он верно служил своему народу. Он решил, что, если и дальше будет настаивать на своей преданности покойному фюреру, это сделает его позицию мучени-

ка более убедительной.

Переводя все эти многочисленные беседы, я осознал всю чудовищность преступлений, совершенных против миллионов невинных людьми с огромной властью, но без нравственности и совести. Я был категорически убежден, что Геринг и его орда должны быть осуждены и приговорены к наказанию международным судом, и этот суд нельзя ошибочно принимать за простую месть победителей или уцелевших жертв побежденным. Я также видел в Нюрнбергском трибунале уникальную возможность задокументировать историю нацистской Германии, под присягой вытащив ее из тех, кто сделал ее преступлением века.

Так как для допросов в нюрнбергской тюрьме собиралось все больше заключенных, вскоре нам понадобились новые переводчики. В сухопутных войсках и воздушных силах США, находившихся в Европе, наверняка были сотни солдат, говоривших на двух языках, но, как ни странно, поиск будущих переводчиков для управления по проведению допросов и предстоящего процесса был поручен Госдепартаменту в Вашингтоне.

По прибытии в Нюрнберг эти кандидаты в переводчики сидели или ходили взад-вперед по моей приемной в ожидании, когда я с ними переговорю. Они страстно желали получить это назначение, которое бывает только раз в жизни, так как оно подразумевало встречу с чудовищами нацизма, повергшими в ужас весь цивилизованный мир. Прежде чем

взять их на работу или отказать, я должен был проверить у всех уровень владения немецким и английским языками.

Тот, кто направил их в Нюрнберг из США, кто бы он ни был, плохо сделал свою работу. Я услышал много гортанного английского с сильным немецким выговором и буквальным переносом немецкого порядка слов и много немецкого с венгерским или польским акцентом. Еще в самом начале какой-то бесцеремонный пухлый человечек буквально провальсировал ко мне в кабинет с протянутой рукой и сказал: «Мисстер Цонненфелт, как я ратт с фами знакомиться. Я флатею семью языками и лушше фсего ангелиским». Это «лушше фсего ангелиским» стало нашей поговоркой.

О том, насколько нелепо было набирать переводчиков подобным образом, свидетельствует докладная записка майора Силлимена, служащего моего отдела:

«В настоящее время порядок состоит в том, что гражданских лиц направляют к мисс Гэлвин [секретарю полковника Амена], которая направляет их к подполковнику Хинкелю [заместителю полковника Амена], который отсылает их к полковнику Уильямсу [офицер по оперативным вопросам], который направляет их к Зонненфельдту [главному переводчику], который по причине отсутствия у них квалификации обычно объявляет их ненужными и возвращает к мисс Гэлвин. Было бы желательно, чтобы не наш отдел, а административный взял на себя эту роль секретаря приемной и присылал к нам только квалифицированный персонал».

В конце концов я отобрал дюжину человек, бегло говоривших по-немецки, хотя английский у них выходил с акцентом и грамматическими ошибками. Я рассуждал так: следователи и стенографисты могут привыкнуть к несовершенному английскому или попросят повторить, а в немецком никаких ошибок быть не должно. Когда в основе допросов лежат трофейные документы, тем более документы во множестве экземпляров, следователю зачастую требовалось только удостовериться подписью или доказать, что свидетель или подозреваемый получал инкриминирующие документы. В таких простых вопросах следователям не мешал сильный акцент переводчиков с немецкого.

Некоторые из тех, кто не смог устроиться устным переводчиком, но тем не менее свободно владел обоими языками, стали переводить на английский язык немецкие документы. Письменные переводчики, в отличие от устных, имели возможность не торопиться и пользоваться словарями для поиска непонятных слов. Конечно, они делали очень важную работу, учитывая, что нацистские документы лежали в основе почти всех допросов, а впоследствии и прямых и перекрестных допросов во время процесса. Для перевода документов не требовался правильный выговор или беглое владение языком. К сожалению, эти переводы часто никто не проверял и на суде они приводили к серьезным промахам.

Положение устного переводчика определенно считалась более высоким, чем письменного. Я лишь недавно узнал,

насколько все это было серьезно, из кусочка записанного и опубликованного интервью одного из отвергнутых мной кандидатов в устные переводчики:

«Там был один парень по фамилии Зонненфельд [я извиняю ему пропущенное «т» в конце моей фамилии. — *Авт.*]. Он, по-моему, был самый главный на Нюрнбергском процессе. У него были такие полномочия, что он любого, кого туда прислал Госдепартамент, мог взять и отправить обратно в Вашингтон как не имеющего квалификации. Он отвечал за персонал во время Нюрнбергского процесса, и его имя постоянно звучало по интеркому».

Я отвечал не за «персонал», а только за набор устных переводчиков для допросов. К тому же у нас в Нюрнберге не было интеркома. Еще за прошедшие с того времени годы я слышал много заявлений от тех, кто якобы встречался с подозреваемыми в Нюрнберге. Доступ к заключенным нацистам, прежде чем они стали подсудимыми, строго контролировали, и после предъявления обвинения к ним прекратили кого-либо допускать, кроме адвокатов и тюремных служащих. Для людей, чья жизнь вращалась вокруг их ненависти к нацистам, находиться в Нюрнберге было эмоциональной отдушиной, и они жаждали лицом к лицу встретиться с фашистскими чудовищами. Когда возможности встретиться с заключенными не было, некоторые от фрустрации просто придумывали себе, как разговаривали с ними в Нюрнберге. Все официальные допросы запротоколированы, с ними мож-

но свериться в госархивах США.

Конечно, я был очень доволен своей работой в Нюрнберге, но моя голова была больше занята тем, как выполнять мою работу, а не тем, как отомстить нацистам за свое прошлое в Германии, которое в конце концов практически померкло по сравнению с тем, что мне довелось пережить позднее! Что же касается наказания подсудимых за их деяния против человечества, то это была задача трибунала.

Несмотря на всю серьезность и ответственность, переводы и допросы были не только работой. Как-то раз меня вызвали в допросную, где полковник Ховард Брандидж, выдающийся американский юрист с южным акцентом, пытался допросить Юлиуса Штрейхера, чей грубый немецкий выговор осложнялся заметными франконскими интонациями⁴. Переводчиком у них был эмигрант немецко-еврейского происхождения, говоривший по-английски с сильным швабским акцентом. Штрейхер, само собой, был тот самый мерзкий подстрекатель и порнограф, который высмеивал и порочил евреев в своей газете «Дер Штюрмер», приписывая им свои собственные извращения и чудовищно клевета.

Допрос застопорился в самом начале, когда полковник Брандидж еще только пытался привести Штрейхера к присяге. Штрейхер и переводчик завели долгий и горячий спор.

– Да что он говорит? – в конце концов вмешался Брандидж.

⁴ Франкония – историческая область на юго-востоке Германии. (Примеч. пер.)

– Плковник, – стал объяснять переводчик, – он спрашивает, што я, в шеркви?

– В цэ-эркви? В какой цэ-эркви? – проговорил Брандидж, растягивая слова. – О чем вы вообще говорите?

Когда меня вызвали, Штрейхер по-немецки спросил, кто перед ним, не судья ли трибунала. Я спросил у переводчика, почему он упорно говорил про «церковь».

– Шеркофь! Шеркофь! – ответил он. – Он хошет снат, кто перет ним – шеркофный адвокатт?

Стенографистки, аттестованные для работы в американских судах, дословно записывали допросы по-английски. Их работа была относительно проста, потому что они могли отдохнуть и покурить, пока разговор шел по-немецки. Они были автоматами, таким же был и я вначале, когда повторял вопросы следователя по-немецки и ответы заключенного по-английски. Как рассказывали мне друзья, работа настолько мной завладела, что, когда вечером в баре Гранд-отеля они говорили мне что-нибудь по-английски, я автоматически повторял это по-немецки!

Однако высококачественный перевод не мог быть полностью автоматическим, и мы старались обеспечить абсолютную точность, одновременно не давая подследственным использовать ситуацию в свою пользу. Мы понимали, что последовательный перевод дает допрашиваемому лишнее время на обдумывание ответа. Скоро я стал пользоваться доверием следователей, и они показывали мне английский пере-

вод инкриминирующего немецкого документа или намечали ход допроса и шепотом говорили мне: «Вы просто задавайте ему правильные вопросы». Часто мои вопросы заставляли врасплох и ошарашивали подсудимых. Я делал записи, чтобы зафиксировать точный перевод на английский, который потом заносился в официальный протокол. Иногда свидетели просили изменить свой ответ, когда слушали мой перевод. Я часто обращался к свидетелям позднее, показывал им немецкий вариант их допроса и просил его удостоверить. Часто я разговаривал с ними без протокола.

Во время допросов порой возникали неловкие моменты. Иногда будущим подсудимым ставили в вину действия, которых они никак не могли совершить, или, в иных случаях, следователи не могли подтвердить обвинение в преступлениях, которые подсудимый фактически совершил. Эти ошибки случались, когда американские следователи ошибочно считали, что нацистское правительство работало так же, как и американское.

Однажды судья Джексон допрашивал Иоахима фон Риббентропа, бесцветного бормотуна, бывшего торговца шампанским и карьериста, который при Гитлере выбился в министры иностранных дел. Риббентроп сказал, что «возьмет ответственность» за все, что было сделано от его имени. Когда же Джексон просил его назвать что-либо конкретное, за что он берет ответственность, Риббентроп тут же шел на попятную. Он отказался признать вину в развязывании за-

хватнической войны, преследовании евреев, нарушении договоров и тому подобном, как предлагал ему Джексон. Тогда Джексон обвинил Риббентропа в том, что он не выдавал паспорта евреям, которые хотели спастись из Германии. Джексон приравнял гитлеровского министра иностранных дел к нашему Госсекретарю. Однако в Германии паспорта выдавал не МИД под руководством Риббентропа, а полиция под руководством Гимmlера. Чтобы прекратить бессмысленный спор, уже переходивший в крик, я дал судье Джексону записку с объяснением, что этот неумолкающий бывший начальник МИДа не занимался паспортами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.